

И.Б. Губанов

РЕАЛЬНОСТЬ ГЕРОИЧЕСКОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЭПОСЕ И ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ

Древнеанглийский эпос «Беовульф», текст которого сохранился в рукописи, датируемый приблизительно 1000 г., но повествующий о событиях, имевших место за 500 лет до этого, рассказывает о благородном герое из народа гаутов Беовульфе. Гауты жили на территории Швеции к юго-западу от свеев, в частности на берегах оз. Венерн. Тематика «Беовульфа» типична для героического эпоса. Герой побеждает чудовищ. Беовульф со своей дружиной приплывает на корабле на о. Зеландию, к конунгу данов Хродгару, и уничтожает в Хеороте, пиршественных палатах датского конунга, людоеда Гренделя. Затем герой убивает в зловещей пучине мать Гренделя, таким образом спасая данов и их эпический мир, т.е. дружину, конунга и пиршественные палаты. Через пятьдесят лет Беовульф спасает гаутов от дракона, но и сам гибнет, отравленный ядом чудовищного змея.

Эпические архетипы битв героя с чудовищами, а также параллели в индоевропейских и древнегерманской мифологических и эпических традициях (Гильгамеш, Идра, Тор и проч.) очевидны. Гораздо более проблематична трактовка исторических эпизодов и реалий европейского Севера эпохи переселения народов, которые часто разворачиваются в «Беовульфе» в отдельные темы. Так, в древнеанглийском эпосе рассказывается о морском походе гаутов во главе с конунгом Хигелаком на франков, а также о вооруженном противостоянии двух скандинавских народов древней Швеции — свеев и гаутов. Анализ и сопоставление эпического текста, археологиче-

ских данных и исторических источников позволит судить о достоверности исторических сведений эпоса, а также поможет ответить на вопрос, каким образом реалии эпического героического века Скандинавии сохранились в англосаксонской эпической традиции. Как увидим, с этой тематикой оказывается теснейшим образом связана проблема возникновения северного звериного стиля в германском искусстве.

Первейшее значение в ряду археологических материалов, проясняющих проблему, следует отдать находкам в богатейшем корабельном захоронении без останков усопшего в Саттон-Ху в Восточной Англии, традиционно датируемым 620-ми годами н.э., артефактам из Восточного и Западного великих курганов шведской Упсалы, ранее датируемых первой половиной VI столетия¹, а также географической и хронологической дистрибуции брактеатов — дисковидных золотых медальонов Северной Европы, датируемых серединой I тыс. н.э.

Выдающийся шведский археолог Суне Линдквист еще в первой половине XX в. обратил внимание на то, что в Восточном кургане Упсалы, датируемом началом VI в., содержатся фрагменты декоративных бронзовых пластинок, орнаментированных в раннем вендельском стиле. Суне Линдквист также опубликовал костяное изделие из Западного кургана Упсалы, датируемого им серединой VI в. На нем изображены великолепно стилизованные вендельские кони. Ранее искусство вендельского стиля Бернардом Салиным (1904 г., стиль II и III) и современником и главным оппонентом Линдквиста Нильсом Абергом датировалось VII–VIII вв. (последний выводил происхождение вендельского стиля из лангобардской Италии конца VI в.).

Перед Второй мировой войной было сделано сенсационное археологическое открытие в Саттон-Ху в Восточной Англии. Здесь на берегу р. Дебен под курганом обнаружили корабль североевропейского облика, в котором были найдены сокровища потрясающей сохранности (богато украшенное оружие, предметы ювелирного искусства, утварь и проч.). Предполагают, что этот выдающийся погребальный памятник был воздвигнут в честь одного из восточноанглийских военных вождей начала VII в., возможно, в честь кюнинга Рэдвальда.

Вендельские шлемы, как из Англии, так и из Скандинавии, изготавливались в технике позднеримских шлемов из составных пластин-сегментов, образующих купола шлемов (т.н. **композитные шлемы**). В английском Саттон-Ху шлемы снабжались пластинами-нащечниками, как и позднеримские композитные шлемы (в «Беовульфе» нащечная пластина шлема назва-

на hlēor-berȝ — «щеки защита»). В свою очередь, и купола, и нащечники вендельских шлемов были инкрустированы декоративными позолоченными бронзовыми пластинами с изображениями воинов, изысканно стилизованными вепрями и изображениями хищных птиц и зооморфной плетенкой. Формы для чеканки таких пластинок найдены в Торслунде на балтийском о. Эланд у южного побережья Швеции. Таким образом, прикладное искусство Венделя служит иллюстрацией к этому пассажи из «Беовульфа».

Оружие воинов в «Беовульфе» определенно украшено в вендельском стиле. Например, в эпосе упомянуты процессии воинов с вепрями на шлемах:

Eoforlic scionon ofer hlēorber[ȝ]an ȝehroden ȝolde, ȝoȝfāh ond fȝrheard, — ferhwearde hēold ȝūȝmōdȝum men ² .	Фигуры вепрей сияли над нащечниками, инкрустированные золотом, пестрые и закаленные в огне, - [это] жизнестражу держало отважным в битве людям. (Здесь и далее, если не указано иное, перевод мой. — И.Г.)
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------

Для нашей темы важно, что налобные и нащечные декоративные пластины на шлеме из Саттон-Ху, изображающие танцующих с парными копьями воинов в рогатых шлемах, увенчанных птичьими головами и облаченных в восточные кафтаны, представляют точные копии фрагментов нашлемных пластин, обнаруженных в Восточном Кургане Упсалы. Формы копий и продольно сегментированных браслетов на рельефах нашлемных пластин в Восточном Кургане шведской Упсалы и английского погребения в Саттон-Ху совершенно идентичны (рис. 1). Возможно, облик этих воинов, согласно Бертилю Альмгрену, был позаимствован у членов позднеримской императорской гвардии, которые назывались *cornuti* — «рогатые»³.

Как я уже отметил, на цилиндре из кости Западного кургана Упсалы первой половины VI в. изображены стилизованные *вендельские кони*. Эти изображения совершенно идентичны вендельским коням на позолоченных бронзовых пластинках, украшающих обод умбона щита из англосаксонского погребения в Саттон-Ху (рис. 2, 3)⁴.

Также в богатом древнеанглийском погребении из Саттон-Ху с роскошными вещами в вендельском стиле обнаружено большое, 72,4 см в диамет-

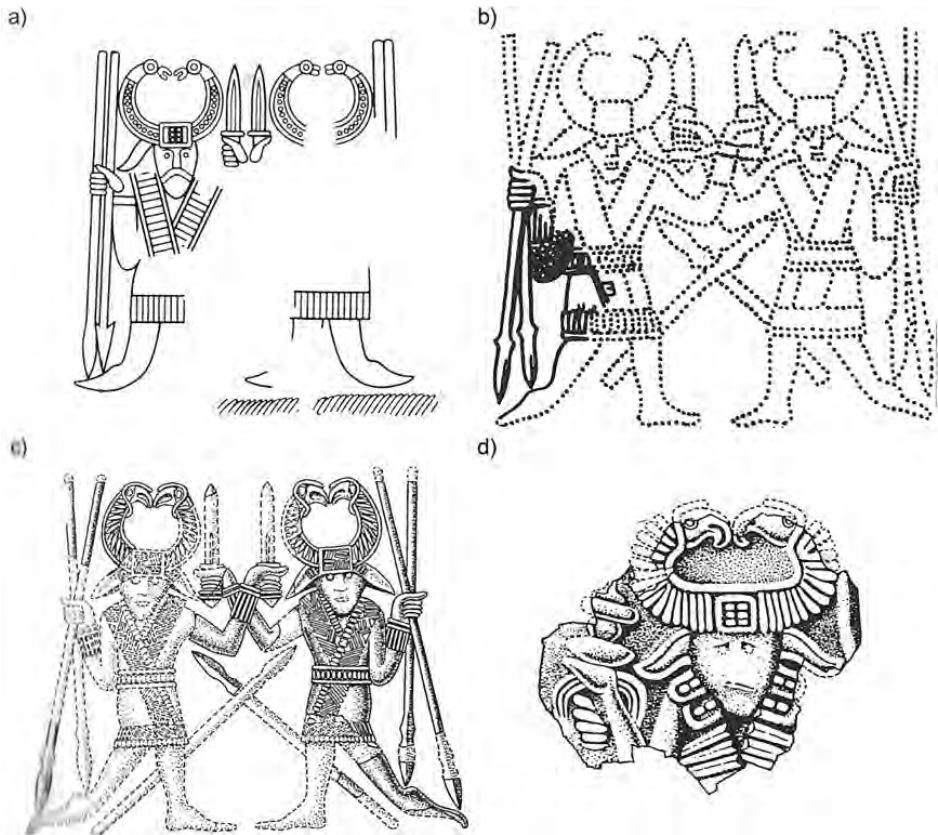


Рис. 1. b — изображение из Восточного кургана Упсалы,
 c — изображение из Саттон-Ху, a, d — вендельские изображения

ре, серебряное блюдо со штампом византийского императора Анастасия I (491–518 гг. н.э.), что также позволило многим исследователям предполагать, что некоторые сокровища Саттон-Ху, в том числе роскошный композитный шлем позднеримской конструкции, украшенный пластинками с великолепными изображениями в вендельском стиле, аналогичными найденными в Восточном кургане Упсалы, старше датировки самого погребального комплекса Саттон-Ху, датируемого началом VII в. н.э.⁵

Таким образом, мастера, изготавливавшие оружие свейских конунгов первой половины VI в., и художники, декорировавшие меч и щит, обнаруженные в англосаксонском кургане в Саттон-Ху, в точности копировали

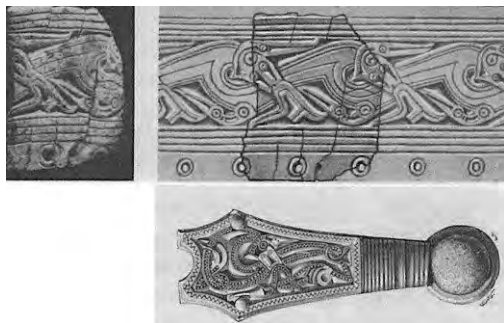


Рис. 2.
Наверху — изображение
на костяном стержне
из Западного кургана Уппсалы,
внизу — вендельское изображение



Рис. 3. Изображение на умбоне щита из Саттон-Ху

одни и те же художественные образцы. Свейские вещи изготовлялись непосредственно для конунгов, кремированных в Уппсале. Надо думать, что кузнецы и литейщики, изготовлявшие сожженное в курганах оружие, жили непосредственно при дворе древних конунгов свеев и обслуживали верховных военных вождей свеев и их дружину. О скандинавской локализации вендельского искусства говорят и формы для набивки, чеканки наשלменных пластин, обнаруженные на балтийском о. Эланд. Многие гораздо лучше сохранившиеся сокровища Саттон-Ху, очевидно, передавались по наследству и от их изготовления до положения в землю прошло, вероятно, несколько десятков лет. Трудно предположить, что при дворе свейских конунгов существовала мастерская, работавшая на экспорт, и посланцы англосаксонских конунгов специально ездили к скандинавам закупать их дорогое защитное вооружение, роскошные изделия скандинавских оружейников. Скорее, шлем и щит из англосаксонского кургана в Саттон-Ху представляют собою дары скандинавских конунгов по случаю установления родственных связей, столь важных в древнегерманском обществе.

Память о таких родственных связях и одновременно о возникавших кровавых распрях дружин ингвеонских и скандинавских народов, в данном случае фризов и данов, сохранилась в устном англосаксонском эпосе в виде финнсбургского эпизода в «Беовульфе» и отрывка, возможно, краткой героической песни, названной «Битва при Финнсбурге». В первом рассказывается событийная канва, второй обладает блестящими художественными достоинствами и описывает саму героическую оборону дружины данов в палатах фризского конунга Финна.

Драматическое напряжение, свойственное героическому эпосу германцев, нарастает здесь посредством строя словосочетаний, состоящих из глаголов настоящего времени и связанных с ними эпитетов пущенного в дело оружия. Выразительно передан шум битвы, притом вся ночная сцена словно подсвечена зловещим блеском оружия и пламени. По Андреасу Хойслеру, «Битва при Финнсбурге» — это архаичная краткая германская героическая песнь:

... (hor)nas
 Byrnaðnǣfre".
 Hlēoþrode ðā
 HeaþoƷeonƷcyninƷ:
 "Nēðis ne daƷaðēastan,
 nē hēdracane flēoƷeð,
 nē hērðissehealle
 hornasnebyrnað;
 Ʒachērforþ berað,
 fuƷelassinƷað,
 ƷylleðƷrǣƷhama,
 Ʒūðwuduhlynned,
 scyldscefteoncwuð.
 Nū scyñeðþes mōna
 waðol under wolcnum;
 nū ārisað wēaðǣda,
 ðē ðisnefolcesnīð
 fremmanwillað.
 10Ac onwacniƷeað nū,
 wīƷend mīne,
 habbað ēowre linda,
 hicƷeaþ on ellen,
 þindað on orde, wesað onmōde!"

... то не пылают
 Рога на крыше.
 Тогда воскликнул
 Буй-юный конунг:
 «То не светает,
 Дракон не мчится,
 И не пылают
 Коньки на крыше;
 На нас несутся,
 Поют бой-птицы,
 Звенят кольчуги,
 Шумят бой-древа,
 Копью щит вторит.
 Луна сияет,
 Блуждая в тучах;
 Возрастут отныне
 Деяния злые
 На поругание
 Народу данов.
 Вы подымайтесь,
 Мои герои,
 Щиты возьмите
 С отвагой в мыслях,
 На бой ступайте,
 Собравшись духом!»

После призыва вождя разворачивается героическая оборона дружинного зала. Диалоги героев перемежаются с выразительными художественными образами, сотканными из эпических формул:

Ðā ārāsmæni 33oldhladen ðe 3n,
 3yrdehinehis
 swurde;
 ðā tō dura ēodon
 drihtlicecean,
 15 Si 3eferð and Ēaha,
 hyrasword 3etu 3on,
 and æt oþrumdurum
 Ordlaefand Gūþlaef,
 and Hen 3estsylf,
 hwearf himon læste.
 Ðā 3y̅t Gārulf[e]
 Gūðerest y̅de,
 ðæthē swā frēoliceforh
 formansīþe
 20 tō ðæ̅re healledurum
 hystane bæ̅r,
 nū hytnī þa heard
 ānyman wolde;
 achē fræ 3nofereal
 undearnin 3a,
 dēormōdhæleþ,
 hwā ðā duruhēolde.
 'Si 3eferþ ismīn nama (cwæþ hē),
 iceom Sec 3enalēod,
 25 recewīdecūð;
 ælaicwēna 3ebād,
 heordrahilda;
 ðē is 3y̅thēr witod,
 swæþer ðū sylftō mē
 sēcean wylle.'
 Ðā wæson healle
 wælslihta 3ehlyn,
 sceoldecelbor

Златосбруйные встали
 Знатные мечебойцы
 У дверей на страже,
 Ратники великоленные
 С мечами, сильные
 Сигеферт и Эаха,
 У других же дверей —
 Гудлаф и Ордлаф,
 С ними Хенгест,
 Храбрый воитель.
 Тут же Гудере
 Гарульфу молвил:
 Рисковать у двери,
 Мол, животом не стоит
 В первой же стычке
 Воину столь славному,
 Когда надеются смертодеи
 Завладеть этой жизнью;
 И спросил он —
 Все слышали —
 Герой бесстрашный,
 Кто там стоит на страже.
 «Сигеферт я, повсюду
 Сегтский воитель,
 Вождь известен:
 Я изведаль немало
 Битв убийственных;
 Судьбой назначено
 Тебе лишь то,
 Что у меня добудешь».
 Тут под оградой грянул
 Гром сраженья,
 Щиты блестели,
 Костей защита,
 Пели доспехи,
 Половицы скрипели,
 Покуда Гарульф

cēnumonhanda
 30bānhelumberstan,
 buruhðeludynede,—
 oð æt ðæreʒūðe
 ʒārulfʒecranʒ
 ealraærest
 eorðbūendra,
 ʒūðlafessunu,
 ymbehyneʒōdrafæla,
 hwearflcrahræ.
 Hræfen wandrode
 35sweart and sealobrūn.
 Swurdlēomastōd,
 swylcealFinnsburuh
 fȳrenuwære.
 Ne ʒefræʒn ic næfre wurþlicor
 ætwerahilde
 sixtiʒsiʒebeorna
 sēlʒebæra,
 nē nēfreswānhwītne medo
 sēlforʒyldan,
 40ðonneHnæfeʒuldan hishæʒstealdas.
 Hiʒfuhton fif daʒas,
 swāhyranānnefēol,
 drihtʒesiða,
 achiʒðāduruhēoldon.
 Ðāʒewāt him wund hæleð
 onwæʒʒanʒan,
 sædeþæthisbyrne
 ābrocenwære,
 45heresceorpuhrōr,
 and ēacwæshishelm ðȳr[e].
 Ðāhinesōnafiræʒn
 folceshyrde,
 hūðawīʒend hyra
 wundaʒenæson,
 oððehwæper ðærahysa...

Не сгинул в сече,
 Лучший из наилучших,
 На земле живущих,
 Гудлафа отпрыск,
 И другие пали
 Трусами обескровленными, —
 Кружит над ними ворон
 Исчерна-темнобурый;
 И будто Финнсбург
 Пламенем весь пылает —
 Лезвия так сияли.
 Я о людях не слыхивал,
 Чтобы лучше ратовали
 И достойней в стычке
 Тех шестидесяти победителей,
 Чтобы лучше расплачивались
 Молодые за сладкий мед,
 Чем державному Хнэфу
 Отплатила его дружина:
 Пять рубились дней,
 И не пал, не попятился
 Ни единый из верной
 Придверной стражи.
 Тут прочь отпрянул
 Израненный воин,
 Он сказал, что разорвана
 И пронзена его кольчуга,
 Рубаха кольчатая,
 И расколот шлем;
 И тотчас воскричал
 Ратеначальник:
 Как же ратники ратуют,
 Раны терпят,
 Как же юные эти...
 (Пер. В.Г. Тихомирова)

Следует также отметить, что традиционная датировка преимущественно VII и VIII вв. шведских богатых ингумаций в ладье эпохи Венделя, т.е. собственно Венделя и расположенного южнее Вальсёрде (особенно впечатляет декорирование шлема из погребения Вальсёрде 7), была аргументированно, преимущественно с опорой на датировку типов континентальных скрамасаксов (однолезвийных тесаков-мечей), мечей, умбонов щитов, конского убора и других вещей меровингского времени, в частности лангобардских, пересмотрена Биргит Аррениус в пользу более ранних дат (520/30–560/70 гг. н.э. — Vende IX, XIV; 560/70–600 гг. н.э. — Vendel XII, XI, Valsgårde 8; 600–630/40 гг. н.э. — Vendel I, Valsgårde 7, Sutton Hoo; 630/40–670/80 гг. н.э. — Vendel VII, Valsgårde 5–6; 720–750 г. н.э. — Vendel III). Таким образом, согласно важным работам шведской исследовательницы, столетняя временная цезура между Упсалой и Венделем исчезает и фактически нижние даты погребений Венделя и Вальсёрде примыкают к датам поздних курганов Упсалы. Таким образом, можно сделать вывод, что погребальная традиция Венделя и Вальсёрде фактически синхронна погребальной традиции великих курганов Упсалы, что особенно проявляется в стилистике богато украшенного оружия, хотя тут меняется обрядность — кремацию заменила ингумация, благодаря чему гораздо лучше сохранился вещевой комплекс высшей дружинной элиты⁶. Недавно Йон Лjungkvist вполне обоснованно (в частности, с опорой на серийные типовые вещи — гребни) передатировал великие курганы Упсалы ранним вендельским временем, совпадающим с датировкой памятников Венделя и Вальсёрде по Биргит Аррениус, т.е. второй половиной VI в. н.э. — первой половиной VII в. н.э.⁷

При этом в синхронном Саттон-Ху погребении Вальсёрде 7 найден роскошный композитный шлем из составных пластин, украшенный в вендельском стиле еще более изысканно, чем шлем из Саттон-Ху. По бордюру на шлеме из кургана Вальсёрде 7 были укреплены пластинки, изображающее процессию воинов с копьями и в шлемах со стилизованными вендельскими птицами на гребнях (вороны Одина — ?), выше на куполе на подобных пластинках представлен повторяющийся мотив повергающего врага всадника, копьё которого направляет сверхъестественный покровитель (подобный мотив представлен и на шлеме из Саттон-Ху), на налобных пластинках, как и на шлеме из Саттон-Ху, изображены танцующие с парными копьями воины в рогатых шлемах. Однако следует отметить, что все эти изображения не идентичны изображениям на шлеме из синхронного Вальсёрде 7 древнеанглийского погребения в Саттон-Ху. Перед нами даль-

нейшее развитие и оттачивание вендельского стиля. Как уже отмечалось, изображения на пластинах шлема из Саттон-Ху идентичны изображению из раннего Восточного кургана Упсалы, который сейчас датируется второй половиной VI в. н.э. Вендельские кони на позолоченной бронзе, окаймляющей умбон щита из Саттон-Ху, идентичны изображенным на костяном стержне из Западного кургана Упсалы (первая половина VII в. н.э.). Таким образом, англосаксонские сокровища из Саттон Ху имеют наиболее близкие аналоги именно в инвентаре погребений свейских конунгов в великих курганах Упсалы, а не в собственно в вендельских погребениях богатых свейских дружинников. Все эти погребальные комплексы, согласно последним исследованиям, синхронны и относятся к раннему вендельскому периоду (вторая половина VI в. — первая половина VII в.). Это указывает на дар/обмен и связи свейских и англосаксонских конунгов в указанный исторический период.

Обратимся к более раннему времени — времени распространения древнескандинавских брактеатов и рождения звериного стиля на Севере Европы. Карты распространения золотых медальонов Северной Европы конца V — начала VI в., называемых брактеатами, хорошо маркируют регионы проживания скандинавских и ингвеонских народов в конце V — начале VI в. и вытеснение последних из Ютландии накануне складывания единого северного вендельского стиля. Они представляют собой подвески в форме золотых дисков, изготовлявшиеся в подражание позднеримским монетам. Еще во второй половине XIX в. выдающийся шведский археолог Оскар Монтелиус выделил основные типы брактеатов — антропоморфные А, В, С и зооморфные D в первом зверином стиле Бернарда Салина.

Наиболее близко к своим прототипам — позднеримским солидам — стоят брактеаты типа А, на которых, как правило, изображена голова в профиль, часто в лавровом венке. Очень интересен с точки зрения иконографии тип С со стилизованным изображением всадника, профиль которого помещен прямо на спину четвероногого животного. Возможно, прототипом их были римские вещи типа серебряного медальона с изображением римского императора Константина I и конской головы.

На многих брактеатах типа С мы видим бороду у четвероного животного под ликом всадника, а также свастику. Эти детали позволили многим ученым предполагать здесь раннюю иконографию скандинавского бога Тора, у которого, по древнеисландским источникам, была повозка, запряженная козлами. На брактеате из Сёдербю из шведского Упланда (IK 176) над бородатым ликом персонажа, словно прорастающего из стилизован-

ного змея, парят две стилизованные птицы, в которых Карл Хаук, основатель иконографического метода в трактовке древнегерманского искусства, видит воронов Одина. На брактеате, который особенно показателен в этой весьма своеобразной группе брактеатов типа А (ИК 120,1), **центральное профильное антропоморфное изображение окаймляют стилизованные птичьи головы с изогнутыми клювами и парные изображения вепрей.** Полагаю, тут интерпретацию Карла Хаука, рассматривающего это изображение как изображение бога Одина, можно принять, хотя остальные иконографические штудии ученого представляются слишком смелыми. На вещах более позднего вендельского времени мотив бородатого лика, окруженного изображениями вепрей и птичьих голов, развернут, в частности, на великолепной пряжке для поясного ремня из Акера, норвежский Хедмарк, а также на позолоченном лангобардском кресте из Pievedel Cairo, Италия.

Следует предположить, что в эпоху великого переселения народов происходило вытеснение ингвеонских народов из Ютландии данами с южнобалтийских островов. Это вытеснение для второй половины V — начала VI в. н.э., вероятно, задокументировано археологическим материалом. Прежде всего в связи с этим стоит упомянуть распространение в Ютландии золотых медальонов — брактеатов с антропоморфными изображениями типа А, В, С с датских островов, являющихся подражаниями официальным изображениям римских императоров. Антропоморфные изображения на брактеатах в конце V — начале VI в. **вытеснили фрагментированный стилизованный первый звериный стиль** Салина ютландских брактеатов типа D, с которыми найдены солиды 475 г. С точки зрения датской исследовательницы Хойлунд Нильсен, речь идет об экспансии державы данов эпических героических времен⁸. Воздержимся приписывать государственность столь архаическим временам, однако по распространению антропоморфных островных типов брактеатов и последовавшей вслед за этим унификацией материальной культуры Датских островов и п-ва Ютландии можно сделать вывод о вытеснении ингвеонских племен Ютландии скандинавами в лице данов во второй половине V в. н.э. Таким образом, очень вероятно, что «Битву при Финсбурге» в качестве устной исторической памяти о столкновениях скандинавского народа — данов — и ингвеонского — фризов — можно включить в исторический контекст истории Скандинавии эпохи переселения народов, о которой мы так мало знаем.

Исходя из некоторых общих предпосылок предполагалось, что «Беовульф» как устный эпос был создан в VI столетии до окончания переселения ингвеонских народов — саксов, англов и ютов — с континента в Британию

и разрыва связей с материком в конце VI в. В частности, об этом писал еще в 1912 г. крупный исследователь «Беовульфа» Генри Мунро Чадвик⁹. Идентичность оружия англосаксонского кургана в Саттон-Ху и великих курганов Упсалы и карты распространения (скандинавских?) брактеатов типа А, В, С, бытовавших изначально в Скандинавии вне Ютландии, и брактеатов типа D (ингвеонских?), концентрирующихся в Ютландии и Южной Англии, позволяют подвести под это предположение некоторую доказательную базу: между ингвеонскими народами Ютландии и прилегающих областей и скандинавскими народами, преимущественно данами, в конце V — первой половине VII в. происходили интенсивные контакты¹⁰.

Свидетельство о морском походе гаутского конунга Хигелака на франков, упоминаемом в древнеанглийском «Беовульфе», имеется в «Церковной истории франков» Григория Турского и там датируется 515 г. н.э. Скандинавский конунг, согласно Григорию Турскому, был убит: *3. Между тем даны со своим королем по имени Хлохилаих, переплыв на кораблях море, достигли Галлии. Высадившись на сушу, они опустошили одну область в королевстве Теодориха и взяли пленных. После того как они нагрозили корабли пленными и другой добычей, они решили вернуться на родину. Но их король оставался на берегу, ожидая, когда корабли выйдут в открытое море, чтобы затем самому последовать за ними. Когда Теодориху сообщили о том, что его область опустошена иноземцами, он направил туда своего сына Теодоберта с сильным и хорошо вооруженным войском. Убив короля [данов] и разбив в морском сражении врагов, Теодоберт возвратил стране всю захваченную добычу*¹¹. Несоответствие хронологии похода, датируемого у Григория Турского началом VI в., к которому можно хронологически привести время Беовульфа и эпических свейских конунгов, и новой, достаточно надежной датировки великих курганов Упсалы второй половиной VI в. — **первой половиной VII в. представляет собой новую проблему, историческую загадку, сегодня нерешенную.**

Уникальны подробные сведения «Беовульфа» о масштабных войнах двух древних скандинавских народов Швеции — гаутов и свеев. В «Беовульфе» большой исторический пассаж, в котором описывается начало гаутско-свейской распри, как раз начинается с описания неудачного морского похода гаутов на нижнерейнских франков, о котором рассказывается у Григория Турского:

Nū yslēodumwēn
orleʒhwīle,

Ныне людей ожидает
время войны,

syððan under[ne]
 Froncum Ond Fr̄ysum
 fyll cyninȝes
 wīde weorðeð.
 Wæs sīo wrōht scepen
 heard wið Hūȝas,
 syððan Hiȝelāc swōm
 2915 faran flotherȝe
 on Frēsna land,
 þǣr hyne Hetware
 hilde ȝeǣȝdon,
 elne ȝeēodon
 mid ofermaȝene,
 þæt se byrnwiȝa
 būȝan sceolde,
 fēoll on fēðan;
 nalles frætwe ȝeaf
 2920 ealdor duȝoðe.
 Ūs wæs ā syððan
 Merewīoinȝas
 milts unȝyfeðe.

когда несокрытая
 франкам и фризам
 смерть конунга
 широко стала [известна].
 Была та вражда содеяна
 тяжкая с Хугами,
 тут пришел Хигелак,
 приехал [с] флотовойском
 на землю фризов,
 [но] там его Хэтвары
 битвой застигли,
 сильно превосходили
 с подавляющим превосходством,
 тут тот броневоеин
 сгинуть должен был,
 пасть [с коня — ?] на пехоту;
 вовсе сокровищ не дал
 вождь дружине.
 Нам с тех пор
 от Меровингов
 не ждать милости.

Уникальны сведения «Беовульфа» о битвах двух древнескандинавских народов на рубеже V–VI вв. — **свеев с оз. Меларен и гаутов с расположенного юго-западнее оз. Венерн**. Вначале военное счастье способствовало свеям, но затем гаутский конунг Хигелак разбил свеев. Гаутский герой, мстя за брата, убивает свейского конунга Онгентеова. Сыновьями Онгентеова, по «Беовульф», были Охтхере (др.-исл. Оттар) и Онела (др.-исл. Али).

Nē ic te Swēoðēode
 sibbe oððe trēowe
 wihte ne wēne,
 ac wæs wīde cūð,
 þætte Onȝenðio

 ealdre besnyðede
 2925 Hæðcen Hrēþling

Также я от народа свеев
 мира или верности
 совсем не жду,
 ведь широко известно,
 что Онгентеов
 жизни лишил
 Хэдкена Хредлинг
 у Леса Воронов,
 тогда в надменности

wið Hrefnawudu,
 þā for onmēdlan
 ærest zesōhton
 Zēata lēode
 Zūð-Scilfinzas.
 Sōna him se frōda
 fæder Ōhtheres,
 eald and ezesfull
 ndslyht āzeaf,
 2930 ābrēot brimwīsan,
 brȳd āhde,
 Zomela iōmēowlan
 Zolde berofene,
 Onelan mōdor
 and Ōhtheres;
 ond ðā folzode
 feorhzenīðlan,
 oð ðæt hī oðēodon
 earfoðlice
 2935 in Hrefnesholt
 hlāfordlēase.
 Besæt ðā sinherze
 sweorda lāfe
 wundum wērze;
 wēan oft zehēt
 earmre teohhe
 ondlonze niht,
 cwæð, hē on merzenne
 mēces eczum
 2940zētan wolde,
 sum[e] on zalztrēowu[m]
 [fu]zum] tō zamene.
 Frōfor eft zelamp
 sārīzmōdum
 somod ærdæze,
 syððan hīe Huzelāces
 horn ond byman,

сперва напали
 [на] людей из гаутов
 Битво-Скильвинги (свеи).
 Тотчас ему тот мудрый¹²
 отец Охтхере,
 старый и ужасный
 контрудар дал,
 сокрушил морского вождя,
 жену спас,
 старую суженую,
 золотом обкраденную,
 Онелы мать и Охтхере;
 и тут преследовал
 смертных врагов,
 и тут отошли они
 тяжело
 в Вороний Лес,
 лишенные вождя.
 Тут (он) обставил огромным войском
 (от) мечей остаток,
 ранами изнуренный¹³,
 горе часто сулил
 несчастной дружине
 [всю] долгую ночь,
 говорил, что он на утро
 меча лезвиям
 [некоторых] отдать пожелал бы, а
 некоторых [повесить] на висельных
 деревьях, —
 [птицам] на радость.
 Потом помощь пришла
 горестным духом
 всем вместе наутро, —
 тут они Хигелака
 рога и трубы
 звук услышали,
 тут тот добрый¹⁴ пришел,
 людей дружине
 вослед приехал.

Zealdor on Zeāton,
 þā se ʒōda cōm
 2945 lēoda du ʒoðe
 on lāst faran.

XLI Wæs sīo swātswaðu
 Sw[ē]ona and ʒēata,
 wælræ̅s weoga
 wīde ʒesyne,
 hū ðā folc mid him
 fæ̅hðe tōwehton.
 ʒewāt him ðā se ʒōda
 mid his ʒædelin ʒum,
 2950 frōd fela ʒeōmor
 fæsten sēcean,
 eorl On ʒenþio
 ufor oncirde;
 hæfde Hi ʒelāces
 hilde ʒefrūnen,
 wlonces wī ʒcraeft;
 wiðres ne truwode,
 þæt hē sēmannum
 onsacan mihte,
 2955 hēaðolīðendum
 hord forstandan,
 bearn ond brūde;
 bēah eft þonan
 eald under eorðweall.
 Þā wæs æ̅ht boden
 Swēona lēodum,
 se ʒn Hi ʒelāce[s]
 freoðowon ʒþone
 forð oferēodon,
 2960 syððan Hrēðlin ʒas
 tō ha ʒan þrun ʒon.
 Þæ̅r wearð On ʒenðiow
 ec ʒum sweord,

XLI. Был тот кровавого пота след¹⁵
 свеонов и гаутов,
 наплыв павших мужей¹⁶
 далече виден,
 как люди с ним (Онгентеовом)
 вражду¹⁷
 пробудили.
 Тут отправился тот добрый¹⁸
 со своими дружинниками,
 мудрый¹⁹,
 многокручинный
 крепость искать,
 ярл²⁰ Онгентеов
 выше (далее) свернул;
 (от) Хигелака
 познал битву,
 (в успех) сопротивления не поверил,
 что он морякам
 противостоять смог бы,
 (от) мореплавателей
 клад отстоять,
 детей и жену;
 пригнулся после этого
 старый²¹
 под земляным валом.
 Тогда пустились в погоню
 за свеонскими людьми
 знамена Хигелак[a]
 то поле мира²²
 наперед перешли,
 тогда Хредлинг
 к ограде напирала.
 Там был Онгентеов
 лезвиями мечей,
 седовласый,
 в тупик загнан,
 тут тот конунг народа²³
 подпасть должен был
 [под тот] Эвоора (Вепря) единый
 приговор.
 Его гневно

blondenfexa
 on bid wrecen,
 þæt se þeodcyninǝ
 ðafian sceolde
 Eofores āne dōm.
 Hyne yrrinǝa
 2965 Wulf Wonrēding
 wǣpne ǝerǣhte,
 þæt him for swenǝe
 swāt ǣdrum spronǝ
 forð under fexe.
 Næs hē forht swā ðēh,
 ǝomela Scilfinǝ,
 ac forǝeald hraðe
 wyrсан wrixle
 wǣlhlem þone,
 2970syððan ðeodcyninǝ
 þyder oncirde.
 Ne meahte se snella
 sunu Wonrēdes
 ealdum ceorle
 ndslyht ǝiofan,
 ac hē him on hēafde
 helm ǣr ǝescer,
 þæt hē blōde fāh
 būǝan sceolde,
 2975 fēoll on foldan;
 næs hē fǣǝe þā ǝit,
 ac hē hyne ǝewyrpte,
 þēahþe him wund hrine.
 Lēt se hearda
 Hiǝelāces þeǝn
 brad[n]e mēce,
 þā his brōðor læǝ,
 ealdsweord eotonisc
 entiscne helm,
 2980brecan ofer bordweal;

Вульф (Волк) Вонрединг
 оружием настиг,
 тут ему (Онгентеову) по взмаху
 кровь-пот ручьями брызнула
 прямо из-под волос.
 Но не был он так тогда уstraшен,
 Старый²⁴
 Скильвинг (Онгентеов),
 но отплатил скоро
 худшей меной —
 смертельный удар [обрушил],
 тогда конунг народа²⁵ туда свернул.
 Не смог тот скорый (смелый)
 сын Вонреда
 старому мужу
 ответным ударом воздать,
 но он (Онгентеов) ему (Вульфу Во-
 нредингу) на голове
 шлем прежде разрубил,
 тут он кровью окрашенный (пе-
 стрый)
 поникнуть должен был,
 пал на землю;
 не был он обречен смерти тогда
 еще²⁶,
 но он оправился, хотя ему и нанесли
 рану.
 Позволил тот крепкий
 Хигелака дружинник
 [чтобы его] широкий меч,
 когда его брат лежал,
 старый меч йотунский
 великанский шлем,
 сломал над стеной щитов (ealdswe-
 ord... bresan — *acc. cum. inf.*): тогда пал
 конунг (Онгентеов),
 народа пастырь²⁷,
 был смертельно («в жизнь») пора-
 жен.
 Тогда многие
 его (Эовора-Вебря) родича (Вульфа-

ðā ʒebēah cyning,
 folces hyrde,
 wæs in feorh dropen.
 Ðā wæron moniʒe,
 þē his mæʒ wriðon,
 ricone ārærdon,
 ðā him ʒerymed wearð,
 þæt hīe wælstōwe
 wealdan mōston.
 2985 Þenden rēafode
 rinc oðerne,
 nam on Onʒendþio
 īrenbyrnan,
 heard swyrd hilted
 ond his helm somod;
 hāres hyrste
 Hiʒelāce bær.
 Hē ð(ām) frætwum fēnʒ
 ond him fæʒre ʒehēt
 2990 lēana (mid) lēodum
 ond ʒelæste swā:
 ʒeald þone ʒūðræes
 ʒēata dryhten,
 Hrēðles eafora,
 þā hē tō hām becōm,
 lofore ond Wulfe
 mid ofer mādnum,
 sealde hiora ʒehwæðrum
 hund þūsenda
 2995landes ond locenra bēaʒa,
 ne ðorfte him ðā lēan
 oðwitan
 mon on middanʒearde,
 syðða[n] hīe ðā mærdða ʒeslōgon;
 ond ðā lofore forʒeaf
 ānʒan dohtor,
 hāmweorðunʒe,
 hyldo tō wedde.

Волка) обвили (бинтами),
 сразу подняли,
 тогда им стало ясно,
 что они (гауты) местом трупов (по-
 лем боя)
 владеть могли²⁸.
 Потом обобрал
 воин (Эвор) другого,
 взял с Онгентеова
 железную броню (кольчугу),
 крепкий меч с рукоятью
 и его шлем вместе [с этими трофея-
 ми];
 седого²⁹ украшения
 Хигелаку отнес.

Он (конунг Хигелак) сокровища взял
 и ему (Эвору) довольно
 обещал
 (из) наград (с) людьми
 и исполнил так:
 оплатил (за) тот натиск битвы
 гаутов вождь,
 Хределя отпрыск,
 когда он (конунг Хигелак) домой
 пришел,
 Эфору и Вульф
 с превосходными сокровищами,
 дал им обоим
 сто тысяч
 (из) земли и сомкнутых колец³⁰, — не
 смел тогда
 (за недостаток) наград попрекать
 (его) никто в срединном мире³¹,
 потом (тогда) они (Эвор и Вульф)
 славу
 завоевали;
 и тогда Эвору отдал (конунг гаутов)
 единственную дочь,
 (эту) ценность дома,
 в залог благосклонности.

Дальнейшая история конунгов сеев и гаутов представлена в «Беовульф» в стихах с 2354 по 2396. Главное в этой политической коллизии и одновременно крупномасштабной родовой распри — борьба за власть между сыном Онгентеова Онелой, который стал конунгом сеев после смерти Охтхере (Оттара), и его племянниками, сыновьями Охтхере, которые бежали к недругам сеев, гаутам. Ставший конунгом гаутов после смерти Хигелака Хардред пал от руки свейского конунга Онелы (Али), но в конце концов, получив от гаутов помощь, сын Охтхере Эадгильс (Адильс) побеждает своего дядю Онелу (Али) в зимнем походе, убивает его и становится конунгом сеев. Таким образом, англосаксонский «Беовульф» оказывается ценнейшим источником по истории Швеции эпохи великого переселения народов.

Hyne wræstmæcƷas
 2380 ofer sǣ sōhtan,
 suna Ōhteres;
 hæfdon hȳ forhealden
 helm ScylfinƷa,
 þone sēlestan
 sǣcyninƷa,
 þāra ðe in Swīorice
 sinc brytnade,
 mǣrneþeoden.
 Him þæt tō mearce wearð;
 2385 hē þǣr [f]or feorme
 feorhwunde hlēat
 sweordes swenƷum,
 sunu HyƷelāces;
 ond him eft Ʒewāt
 OnƷenðioes bearn
 hāmes nīosan,
 syððan Heardrēd læƷ;
 lēt ðone breƷostōl
 Bīowulf healdan,
 2390 Ʒēatum wealdan;
 þæt wæs Ʒōd cyninƷ.
 XXXIII Sē ðæs lēodhryres
 lēan Ʒemunde

Его³² изгнанники
 через море искали,
 сыновья Охтхере³³;
 они отвергли³⁴
 шлем Скильвингов³⁵,
 того лучшего
 морского конунга,
 знаменитого народного вождя³⁶.

Его³⁷ (э)то к концу (жизни) привело;
 он там за гостеприимство (был)
 смертной раной уязвлен³⁸,
 меча взмахами (поражен)
 сын Хигелака;
 и [от] них (гаутов) после ушел
 сын Онгентеова³⁹
 дом (свой) искать,
 тогда Хардред пал;
 оставил тот престол
 Беовульфу держать,
 2390 гаутами владеть;
 то был добрый конунг⁴⁰.
 XXXIII. Тот⁴¹ за это человекоубий-

ство
 расплату (совершить) задумал
 позже (букв. «выше днями»),
 Эадгильсу⁴² стал,

uferan dōȝrum,
 Ēadȝilse wearð
 fēasceaftum frēond;
 folce ȝestēpte
 ofer sǣ sīde
 sunu Ōhteres,
 wiȝum ond wǣrnum;
 hēȝewræc syððan
 cealdum cearsīðum,
 cyninȝ ealdre binēat.

лишенному имущества⁴³ другом (или
 родичем);
 народом⁴⁴ поддержал
 через море широкое
 сына Охтхере,
 воинами и оружием;
 он отомстил потом
 холодными зло-путями⁴⁵,
 конунга (Онелу) жизни лишил.

Подведем итоги. Чрезвычайна важна полная иконографическая идентичность фрагментов произведений древнесеверного искусства из великих курганов шведской Упсалы второй половины VI в. н.э. (Восточного) — первой половины VII в. н.э. (Западного) и из богатого погребального памятника англосаксонскому конунгу в Саттон-Ху (в целом английский памятник датируется началом VII в.). Во-первых, изображения вендельских коней на уникальном стержне из кости в вендельском стиле, найденном в самом позднем Западном великом кургане Упсалы, совершенно идентичны изображениям на позолоченном окаймлении умбона щита из Саттон-Ху. Во-вторых, фрагмент изображений танцующих с копьями воинов из самого раннего из великих шведских курганов, Восточного упсальского кургана, идентичен полностью сохранившимся изображениям танцующих с парными копьями воинов в рогатых шлемах, увенчанных птичьими головами, изображенными на пластинах, украшающих нащечники и надбровья англосаксонского шлема из Саттон-Ху. Хотя Саттон-Ху датируется началом VII в. но, вероятно, судя по блюду византийского императора Анастасия начала VI в., некоторые хорошо сохранившиеся в этом погребальном комплексе сокровища могли перейти к англосаксонскому конунгу по наследству.

Так как существование мастерских при дворе свейских конунгов, работавших на экспорт для других северогерманских конунгов, маловероятно, я выдвигаю гипотезу, что здесь следует предполагать дар саксам по случаю установления тесных связей между скандинавскими и саксонскими вождями, что хорошо укладывается в контекст отношений северных народов скандинавской и ингвеонской групп, имевших к тому времени достаточно давнюю историю (столкновение данов и фризов, описанное в «Битве при Финнсбурге», вытеснение ингвеонов, том числе фризов, англов и саксов, скандинавами (данами) из Ютландии в конце V — начале VI в. н.э.).

К числу выдающихся открытий можно отнести недавнее обнаружение дружинных залов датских и свейских конунгов, датируемых VI в. н.э., т.е. временем «Беовульфа». В древнеанглийском эпосе события, будь то битвы между дружинами или поединки героя и чудовища, происходят как раз в дружинных залах. Описания пиршеств в дружинном зале занимают в «Беовульфе» значительное место. Справедливо указывалось, что зал датского конунга Хродгара — центр героического мира «Беовульфа», подобным же образом пиршественные палаты в древнескандинавской традиции представляют собою маркированные особо значимые локусы мифологического мира, их перечисление занимает значительное место в исландской «Эдде». Особое значение имеют недавние, 2002–2005 гг., раскопки в древней «столице» датских конунгов Лейре (др.-исл. *Leiðr*). Здесь рядом с поселением Фрудсхей раскопан комплекс, включающий как большой пиршественный зал VI в. н.э., т.е. **времени событий, описанных в «Беовульфе», так и связанное с ним культовое сооружение.** Крышу большого пиршественного зала длиной не менее 45 м поддерживали два ряда мощных четырехугольных столбов, вытесанных из дуба, внешние два ряда столбов, образующие несущий каркас стен, отстояли друг от друга на 7 м, маркируя ширину постройки. Скопление обожженных камней диаметром около 16 м и 0,75 м в высоту неподалеку, видимо, функционировало как жертвенник, на котором приносились в жертву животные для основного культового действия древних скандинавов — для священного пира⁴⁶. Такой жертвенник упоминается в «Беовульфе» (др.-англ. *hærg-træf*, др.-исл. *hǫrg*), когда говорится, что даны в дохристианские времена совершали языческий культ (*Beowulf*, строки 175–176).

Недавно обнаруженный в Старой Упсале в Швеции дружинный зал VI в. н.э. поддерживали сосновые столбы, он достигал приблизительно 50 м в длину и около 10 м в ширину, в зал входили через ворота в северной стене шириной около 3 м, эти ворота были украшены фигурными железными полосами (ср.: *iren-bend* «Беовульфа», строки 774, 998).

Такую сохранность исторических данных в древнеанглийском эпосе в отличие, скажем, от гомеровского эпоса, по моему мнению, можно объяснить тесными контактами различных скандинавских и ингвеонских народов в V, VI и первой половине VII в. н.э., включая эпоху массового переселения англосаксов в Британию. Эти контакты наверняка были многообразны, но как археологический материал, так и эпос рассказывает нам о тесных взаимоотношениях вождей, родственных связях дружинных элит и кровнородственных распрях дружин конунгов данов, свеев, гаутов,

фризов и англосаксов, а также о масштабном переселении ингвеонских народов из Ютландии и о заселении полуострова данами. Судя по «Беовульфу», гаутско-свейские войны конца V — первой половины VI в. были столь крупномасштабны, что вовлекали и народные ополчения. Контакты вождей и дружинных элит северных германцев, живших на побережье Балтийского и Северного морей, нашли отражение в идентичности искусства восточноанглийского Саттон-Ху и великих курганов Упсалы, а также в распространении типов брактеатов и в последующем синтезе, интеграции и развитии стилистики северного искусства в вендельском стиле (зверином стиле II Бернарада Салина).

Также историчность древнегерманского эпоса следует объяснять непрерывностью этнической истории древнескандинавских народов, тогда как в Греции микенская цивилизация была до основания уничтожена иноземными захватчиками около 1200 до н.э., а поэмы Гомера появляются только в IX в. до н.э. после значительного временного промежутка.

* * *

¹ Lindqvist S. Uppsala höggar och Ottarshögen. Stockholm: Wahlströ & Widstrand, 1936.

² «Беовульф» и «Битва при Финнсбурге» цитируются по авторитетному изданию Клейбера: *Beowulf and The Fight at Finnsburg* / Ed., with introd., bibliogr., notes, glossary, and appendices by Fr. Klaeber. Boston: Heath & co., 1955.

³ Almgren B. Helmets, crowns and warrior's dress — from the Roman emperors to the chieftains of Uppland // *Vendel period studies. Transactions of the Boat-grave symposium in Stockholm, February 2–3, 1981* / Ed. by J.P. Lamm and H.-Å. Nordström. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. P. 14–15.

⁴ Evans A.C. The Sutton Hoo ship burial. L.: British Museum Press, 1994. P. 49–55.

⁵ Ibid. P. 56–57.

⁶ Arrhenius B. The chronology of the Vendel graves // *Vendel period studies*. P. 39–70.

⁷ Ljungkvist J. Uppsala högars datering och några konservenser av en omdatering till tidiga vendeltiden // *Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research*. 2005. Vol. 100. No. 4. S. 245–259.

⁸ Høilund Nielsen K. Animal Style — A symbol of Might and Myth. Salin's Style II in a European Context // *Acta Archaeologica*. 1998. Vol. 69. København: Munksgaard, 1998. P. 5–10.

⁹ Chadwick H.M. The Heroic Age, an Excerpt // *An Anthology of Beowulf Criticism* / Ed. by Lewis E. Nicholson. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1963. P. 27–33.

¹⁰ *Gaimster M.* Vendel period bracteates on Gotland. On the significance of Germanic art. Lund: Almqvist & Wiksell International. Printed by Wallin & Daholm Boktryckeri AB, 1998. (Acta Archaeologica Lundensia. Series IN 8, No. 27); *Høiland Nielsen K.* Animal Style — A symbol of Might and Myth. Salin's Style II in a European Context. P. 5–10.

¹¹ *Григорий Турский.* История франков / Пер. и прил. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987.

¹² Эпитет конунга в эпосе, в данном случае свейского конунга Онгентеова. Он «положителен» вне зависимости от характеристики персонажа, характерен для устной традиции и переводится просто как «конунг».

¹³ Т.е. оставшихся в живых из дружины гаутов.

¹⁴ Эпитет конунга в эпосе, в данном случае конунга гаутов Хигелака.

¹⁵ Эпический кенинг битвы.

¹⁶ Другой эпический кенинг боя.

¹⁷ Вероятно, хейти битвы.

¹⁸ Эпитет конунга в эпосе, как и должно быть, положительный, вне зависимости от характеристики персонажа. Может быть переведен просто как «конунг», так как субстантивно связан с его статусом.

¹⁹ Другой обязательно положительный эпитет эпического конунга.

²⁰ Т.е. «знатный».

²¹ Эпитет конунга в германском эпосе.

²² Вероятно, защищенное древоземляными валами укрепление, городище, по археологической терминологии.

²³ Эпитет конунга в эпосе.

²⁴ Эпитет конунга в эпосе.

²⁵ Эпитет конунга в германском эпосе. Собственно, «могучий конунг», «конунг». В данном случае Онгентеов.

²⁶ Др.-англ. *fæze*, др.-исл. *feigr*, «обреченный погибнуть» или уже «мертвый, павший», знаменитой рунической надписи на камне из Рёкк, IX в., Вестерётланд.

²⁷ Эпитет конунга в древнеанглийском эпосе.

²⁸ Считались победителями те, за которыми осталось поле боя.

²⁹ Т.е. «старца» — эпитет конунга в эпосе.

³⁰ Интересно, что кольца исландских *годи* — жрецов-правителей, на которых клялись в святилищах языческих храмов и которые передавались по наследству, характеризуются как *несомкнутые*. Возможно, дружинные *сомкнутые* браслеты отличались от них.

³¹ Древнеанглийскому обозначению эпического мира людей как «Срединной Ограды» соответствует древнеисландский *Мидгард* — «мир богов и людей».

³² Конунга гаутов Хардредра, сына погибшего в походе на франков Хигелака.

³³ Др.-исл. Оттар, свейский конунг.

³⁴ Т.е. восстали против власти своего дяди, сына Охтхере Онелы (др.-исл. Али).

³⁵ Кенинг конунга в эпосе, в данном случае обозначает конунга свеев Онелу (Али), который, вероятно, захватил власть у брата Охтхере (Оттара) и убил его.

³⁶ Нагромождение эпитетов конунга, положительных по определению. Так должен был именоваться конунг в эпосе, хотя Онела (Али) был узурпатором и, вероятно, братоубийцей. Использование эпитетов характерно для устной традиции — сказитель (рассказчик или певец) припоминал и продуцировал эпитеты конунга, варьируя эпос.

³⁷ Гаутского конунга Хардредра, сына Хигелака.

³⁸ hlēat — букв. «наделен», т.е. такая ему была суждена «доля», судьба. Обозначение доли было сакральным в древнегерманском мире, в частности др.-исл. hlaut включалось в композиты, именующие предметы древнескандинавского культа на священном пире.

³⁹ Т.е. свейский конунг Онела (Али) после убийства Хардредра у гаутов вернулся на родину, к свеям.

⁴⁰ Эпическая формула.

⁴¹ Новый конунг гаутов Беовульф.

⁴² Др.-англ. имя конунга с преломлением — Эадгильс — соответствует др.-исл. Адильс. Этот сын Охтхере (др.-исл. Оттар), получил помощь от гаутов и сразил своего дядю Онелу (др.-исл. Али) в зимнем походе, отомстив за отца и став свейским конунгом.

⁴³ Т.е. свейского «варварского» королевства.

⁴⁴ Т.е. войском.

⁴⁵ Походом, приносящим горе, одновременно — зимним походом. Предание о зимнем походе, в котором сгинул Али, сохранилось также в древнеисландских источниках.

⁴⁶ *Christensen T. Lejre beyond the legend — the archaeological evidence // Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet. No. 33. Rahden; Westf, 2010. P. 237–254.*